

РАЗВИТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ-УЧАСТНИЦАМИ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В СИСТЕМЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ, ЭКСТРЕМИЗМУ И СЕПАРАТИЗМУ В ЕВРАЗИИ¹

DEVELOPMENT OF INTERACTION BETWEEN THE COUNTRIES-PARTICIPANTS OF THE SHANGHAI ORGANIZATION OF COOPERATION IN THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL SPHERE IN THE SYSTEM OF MEASURES FOR COUNTERING TERRORISM, EXTREMISM AND SEPARATISM ON EURASIA

E. Kulikov

Summary. The article analyzes the problems of countering terrorism, separatism and extremism in the Eurasian space; among the directions of such counteraction, the development of cooperation between the SCO member states in the scientific and technical sphere is especially highlighted. The international legal basis of interaction within the SCO in terms of the fight against the “three evils” — terrorism, separatism, extremism is studied in detail, the problems and prospects for the development of such interaction are considered. The significance of the development of cooperation in the scientific and technical sphere is assessed.

Keywords: extremism, separatism, terrorism, combating crime, Shanghai Cooperation Organization, scientific and technical sphere.

Куликов Егор Алексеевич

*К.ю.н., доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул)
kulikoveg@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются проблемы противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму на евразийском пространстве, среди направлений такого противодействия особо выделяется развитие сотрудничества между государствами — участниками ШОС в научно-технической сфере. Подробно изучается международно-правовая основа взаимодействия в рамках ШОС в части борьбы против «трех зол» — терроризма, сепаратизма, экстремизма, рассматриваются проблемы и перспективы развития такого взаимодействия. Оценивается значимость развития сотрудничества в научно-технической сфере.

Ключевые слова: экстремизм, сепаратизм, терроризм, борьба с преступностью, Шанхайская организация сотрудничества, научно-техническая сфера.

Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС) является активно действующим объединением стран Евразии. Трудно согласиться с А. Муратбековой, по мнению которой, «данная международная организация может деградировать до уровня регулярных, но бессмысленных с точки зрения практических результатов саммитов и встреч» [17,

с. 153]. Р.А. Курбанов пишет, что, «ШОС утвердилась в качестве одного из влиятельных участников системы международных отношений, сформирована нормативно-правовая база, успешно функционируют механизмы многостороннего взаимодействия, установлены партнерские отношения с государствами, международными организациями и структурами, разделяющими

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18–29–15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

принципы и ценности ШОС» [15, с. 326]. Ли Вэй указывает открытость, прозрачность и расширяющееся партнерство ШОС, которые позволят ШОС стать мощной силой для развития международного сотрудничества» [2, с. 220–221].

ШОС создавалась в целях обеспечения региональной безопасности в Евразии [21, с. 15]. 15 июня 2001 г. была принята Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В развитие ее положений 16 июня 2009 г. принимается Конвенция ШОС против терроризма, а 9 июля 2017 г. — Конвенция ШОС по противодействию экстремизму. Борьбе против «трех зол» также уделяется внимание в Стратегии развития ШОС до 2025 г., в декларациях саммитов глав государств — членов ШОС. Проблемы обеспечения региональной безопасности и противодействия терроризму на пространстве ШОС приобрели новое звучание в связи с недавними событиями в Афганистане и Казахстане.

Значимость развития научно-технического сотрудничества под эгидой ШОС подчеркивается в Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС (от 17 сентября 2021 г.), где сказано, что «сотрудничество в области науки и техники отвечает интересам всех государств-членов и имеет важное значение для развития их экономик» [5]. Объединяет противодействие угрозе «трех зол» на пространстве ШОС и развитие взаимодействия в научно-технической сфере между странами-участниками ШОС ряд обстоятельств.

А.И. Коробеев говорит «о высокой адаптированности преступности к происходящим в социуме изменениям, новейшим достижениям научно-технического прогресса, перерождению в новых формах, методах и способах совершаемых преступных посягательств в сферах, сложных для осуществления социального контроля» [14, с. 232]. Противодействие преступности должно быть адекватным с позиций технической оснащенности и интеллектуальной подготовленности. Такое соответствие невозможно без развития научно-технического сотрудничества. Н.Ш. Козаев подчеркивает необходимость учета научно-технических достижений при решении вопросов противодействия преступности [11, с. 6–7]. П.В. Жестеров констатирует, что современные технологии существенно облегчают возможности вербовки террористов, решение вопросов о финансировании, координации и т.п. [6, с. 63–64]. Аналогично рассуждают Ю.С. Горбунов [3, с. 103–104], а также Е.А. Капитонова и Г.Б. Романовский [9, с. 134], применительно к организованным преступным формированиям — А.Н. Мондохонов [16, с. 17]. Государственная деятельность по противодействию угрозе «трех зол» приобретает, вследствие этого, наукоемкий характер,

что обуславливает важность взаимодействия между различными государствами в научно-технической сфере.

Основным международным документом выступает Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года (далее — Шанхайская конвенция). Она определяет терроризм как любое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения; соответствующие деяния должны быть признаны уголовно наказуемыми в национальном уголовном праве [20]. В приведенном определении содержатся указание на возможные последствия, потерпевших, характер деяния, цель совершения деяния, а также на варианты соучастия в этом деянии.

Сепаратизм Шанхайская конвенция определяет как «какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, при условии, что такие деяния уголовно наказуемы в национальном уголовном праве» [20]. Сложность при формулировании трактовки сепаратизма связана с тем, что сталкиваются два международных принципа — уважения и сохранения территориальной целостности государств и права нации на самоопределение вплоть до отделения.

Экстремизм, в соответствии с Шанхайской конвенцией, — это «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, при условии признания их уголовно-наказуемыми в национальном уголовном праве» [20]. Это определение ставит экстремизм в один ряд с терроризмом

и сепаратизмом по характеру и степени общественной опасности. Смысл приведенных положений Шанхайской конвенции состоит в понимании «трех зол» как деяний, подрывающих конституционный строй, безопасность государства, территориальную целостность и общественную безопасность. В связи с этим необходимым становится взаимодействие государств, особенно граничащих между собой, в целях пресечения возможности виновным укрыться от уголовного преследования на территории другого государства.

В Аналитической записке по Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 21 сентября 2020 года (далее — Аналитическая записка) такой подход подвергнут критике, сказано, в частности, что «некоторые аспекты определений терминов «терроризм», «сепаратизм» и так называемый «экстремизм» в Шанхайской конвенции, а также масштабы упомянутых в ней подготовительных или вспомогательных действий представляются расплывчатыми, чрезмерно широкими и неограниченными, и не дают представления о преступном умысле, который является необходимым элементом уголовного преступления; это вызывает озабоченность по поводу соблюдения принципов законности и определенности, предусмотренных уголовным правом и международными стандартами в области прав человека» [4, с. 12].

Авторы Аналитической записки уточняют далее свои замечания. «Наиболее проблематичным с точки зрения прав человека является требование об установлении уголовной ответственности за так называемый «экстремизм» или «сепаратизм», поскольку эти термины носят неопределенный и субъективный характер и могут обозначать широкий диапазон действий, а также то, какое воздействие это требование может оказать на свободу мысли, совести, религии или убеждений, свободу выражения мнения, свободу ассоциаций и мирных собраний, свободу участия в политической жизни и свободу самоопределения. Более того, отсутствие обязательных определений таких терминов и возможность принятия государствами-участниками собственных национальных определений в контексте Шанхайской конвенции считаются особенно проблематичными на международном уровне» [4, с. 13]. Последнее обстоятельство вряд ли вообще следует признать существенным недостатком Шанхайской конвенции, поскольку она определяет вопросы сотрудничества ее участников, а непосредственные меры уголовно-правового реагирования предусматриваются национальным правом. Что же касается универсальных прав человека, то они отражены в основополагающих международных актах о правах человека, на которые Шанхайская конвенция активно ссылается.

Шанхайская конвенция в ст. 6 предусматривает способы сотрудничества: обмен информацией; разработка и принятие согласованных мер для предупреждения, выявления и пресечения терроризма, сепаратизма и экстремизма, и взаимоуведомление о результатах их осуществления; обмен нормативными правовыми актами и материалами по практике их применения; обмен опытом работы по предупреждению, выявлению и пресечению проявлений терроризма, сепаратизма и экстремизма; подготовка, переподготовка и повышение квалификации своих специалистов в различных формах, и др. [20]. Необходимость взаимодействия в научной и научно-технической сфере прямо не названа в тексте документа, но перечисленные направления вряд ли осуществимы без развития научно-технического сотрудничества между странами-участницами ШОС. То же самое можно сказать и про предусмотренную в ст. 7 возможность обмена информацией между участниками Шанхайской конвенции о формах, методах и средствах совершения деяний, представляющих собой проявления терроризма, сепаратизма и экстремизма. Речь идет о сотрудничестве, например, в области криминалистической техники и тактики, напрямую связанных на достижениях естественных и технических наук. Взаимодействие в научно-технической сфере способно выступить важной составной частью совместных усилий по противодействию угрозе «трех зол».

Положения Шанхайской конвенции развивают два договора. Во-первых, Конвенция ШОС против терроризма от 16 июня 2009 года (далее — Конвенция против терроризма). В этом документе разграничиваются понятия «терроризм» и «террористический акт», терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями путем совершения либо угрозы совершения насильственных и (или) иных преступных действий, связанных с устрашением населения и направленных на причинение ущерба личности, обществу и государству» [12]. Наблюдается гармонизация международного и национального права в части определения терроризма и его проявлений. Интересна также трактовка в Конвенции против терроризма террористической организации: «преступная группа, незаконное вооруженное формирование, банда, преступное сообщество, создаваемые для совершения преступлений и (или) совершающие преступления, охватываемые настоящей конвенцией; юридическое лицо, от имени, по указанию или в интересах которого осуществляется планирование, организация, подготовка и совершение хотя бы одного из преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией» [12]. Обращает на себя внимание двойственность в понимании террористической организации — это и изначально преступное объединение, и юридическое лицо, изна-

чально не являющееся преступным объединением, но совершающее преступления террористической направленности. Наблюдается некоторое расхождение с установленными УК РФ составами преступлений: по национальному праву юридическое лицо оценивается как террористическая организация после судебного акта о признании ее таковой.

Ст. 7 Конвенции против терроризма устанавливает основные направления сотрудничества: «Стороны поощряют межрелигиозный и межкультурный диалог, охватывающий, где это необходимо, неправительственные организации и другие институты гражданского общества, при условии соблюдения национального законодательства в целях предупреждения ситуаций напряженности, которые могут привести к совершению преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией» [12]. Необходимым условием успешности такого диалога выступают глубокие социально-антропологические, культурологические и религиоведческие исследования, дабы наметить общие взгляды, точки соприкосновения и общее направление взаимодействия в целом. Такие исследования невозможны, в свою очередь, без развития взаимодействия в научной и научно-технической сфере между странами — участницами ШОС. Аналогичной наукоемкостью обладают и такие меры, как: периодическая оценка правовых документов, регулирующих противодействие терроризму, и практических мер с точки зрения их эффективности; повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных и иных органов, осуществляющих противодействие терроризму; улучшение защиты физических лиц и объектов, включающее внедрение стандартов, предназначенных для повышения защищенности физических лиц и объектов; создание и внедрение критериев идентификации физических и юридических лиц, причастных к совершению преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией; просвещение общественности об опасности терроризма и его негативных последствиях, а также об ответственности за совершение преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией; обеспечение возможности населения информировать государственные органы, в том числе анонимно, о любых деяниях, которые могут рассматриваться в качестве преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией [12]. Названные направления предполагают достаточно высокий уровень развития научной и научно-технической сферы в том или ином государстве. Учитывая, что террористические преступления признаются преступлениями международного характера [19, с. 68], взаимный обмен опытом в части научных достижений позволит странам-участницам ШОС, по меньшей мере, не отставать от террористических формирований в освоении и использовании достижений научно-технического прогресса.

Во-вторых, Конвенция ШОС по противодействию экстремизму от 9 июля 2017 г. (далее — Конвенция по противодействию экстремизму). Экстремизм в этой конвенции определяется как «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» [13]. Конвенция также определяет понятие «экстремистский акт», не известное на УК РФ, ни федеральному закону от 25 июля 2002 г. N114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в случае с последним наблюдается и некоторое расхождение в общем понятии экстремизма, которое он определяет перечневым путем, и перечень этот шире по объёму, чем определено Конвенцией по противодействию экстремизму) [18]. Названные обстоятельства способны вызвать сложности в организации сотрудничества по противодействию экстремизму, а также требуют дополнительных научных исследований.

Ряд положений ст. 7 Конвенции по противодействию экстремизму практически идентичны уже рассмотренным положениям ст. 7 Конвенции против терроризма. Отметим, однако, также ещё такие направления в Конвенции по противодействию экстремизму, как усиление пропагандистской деятельности по противодействию экстремизму и контрпропаганды против распространения экстремистской идеологии, в том числе в средствах массовой информации и сети Интернет; мониторинг средств массовой информации и сети Интернет в целях своевременного выявления и пресечения распространения экстремистской идеологии; ограничение доступа к экстремистскому материалу, размещенному в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет; укрепление культурных традиций, духовного, нравственного и патриотического воспитания, призванного побудить граждан осознанно противостоять экстремизму [13]. Речь идет о развитых информационных технологиях, массовости и всеохватности сети Интернет, которая стала удобной площадкой для экстремизма. Темпы развития информационных технологий, глобальный характер информационно-телекоммуникационных сетей, усложняют противодействие преступлениям, совершаемым в сети Интернет, на национальном уровне. Необходим взаимнообмен научно-технологическими разработками и взаимодействие правоохранительных органов нескольких государств.

Конвенция по противодействию экстремизму в п. 10 ч. 2 ст. 7 содержит прямое указание на необходимость научного сотрудничества между странами-участницами — в качестве одной из мер рассматривается «проведение исследований в сфере противодействия экстремизму, в том числе на между-

народных площадках, участниками которых являются Стороны» [13]. Думается, это выражение определенной тенденции в информационную эпоху по повышению роли науки, по интернационализации науки и по ее проникновению во все сферы социальной жизни. Научные исследования рассматриваются в качестве одной из составляющих политики противодействия социально вредным явлениям, в том числе угрозе «трех зол».

В пользу признания существования такой тенденции свидетельствует принятие в 2020 году Советом глав государств-членов ШОС Заявления о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет, в котором сказано, в частности, что «одним из важных направлений сотрудничества по противодействию распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии должно стать совместное формирование подходов, направленных на дискредитацию терроризма, сепаратизма и экстремизма» [7]. Формирование таких подходов предполагает не только проведение специальных научных исследований, но и взаимодействие между государствами в процессе их проведения, поскольку подчеркивается совместный характер подходов.

В другом документе «государства-члены ШОС признают беспрецедентный прогресс в развитии и использовании информационно-коммуникационных технологий, формирующих глобальное информационное пространство, и их растущее влияние на повседневную жизнь, а также политическую, экономическую, социально-культурную и другие составляющие, которые также могут оказывать воздействие на национальный и международный мир и безопасность» [8]. Неслучайно Н.Ш. Козаев настаивает на комплексном характере правовых средств противодействия преступности, связанной с использованием достижений научно-технического прогресса [10, с. 336]. Необходимость разви-

тия сотрудничества между государствами признается ШОС, это следует из текстов ее основных ее документов. Специфика же мер противодействия угрозе «трех зол» делает необходимым развитие сотрудничества в научно-технической сфере. Преступность активно использует достижения науки в различных областях. Развитие информационного пространства, массовизация Интернета довольно быстро выступили новым полем для проявлений терроризма, сепаратизма и экстремизма. Эффективно же противодействовать им на этом поле возможно только при условии объединения усилий различных государств и развития взаимодействия между ними в научно-технической сфере.

ШОС изначально формировалась как стержень системы региональной безопасности [1, с. 64]. Анализ основных документов ШОС в данной сфере показывает, что среди направлений противодействия угрозе «трех зол» вначале косвенно, а затем и прямо признается развитие взаимодействия в научно-технической сфере. «Шанхайский дух» выступил здесь необходимой предпосылкой здоровой и разумной оценки обстановки, требующей новых решений, научных поисков и научного сотрудничества на паритетных началах. В связи с этим важно постоянное взаимодействие для более полного учета достижений научно-технического прогресса. Потенциал ШОС как организации, основывающейся на конструктивистских началах, в условиях многополярности мира только начинает разворачиваться в полной мере. Представляется необходимым согласиться с авторами, рассматривающими расширение состава организации как благо, как инструмент повышения ее эффективности [21, с. 302]. Современная преступность не знает ни границ государств, ни рамок международных организаций, в связи с чем для успешного ей противодействия и взаимодействие систем противодействия преступности тоже должно быть трансграничным. Здесь значительную роль может играть научная сфера, носящая интернациональный и трансграничный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко В.И., Василенко В.В., Потеенко А.Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект): монография. М.: Проспект, 2018. 192 с.
2. Вэй Ли. Китай и международное сотрудничество в борьбе с терроризмом / пер. с англ. И. Сиренко. М.: Серебряные нити, 2021. 296 с.
3. Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему: монография. М.: Молодая гвардия, 2008. 460 с.
4. Даффи Х., Грин А. Аналитическая записка по Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Варшава: Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, 2020. 35 с.
5. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // <http://rus.sectscsco.org/>
6. Жестеров П.В. Манифест уголовной репрессии эпохи дополненной реальности: монография. М.: Проспект, 2017. 224 с.
7. Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет. г. Москва, 10 ноября 2020 г. // URL: <http://rus.sectscsco.org/>
8. Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. г. Москва, 10 ноября 2020 г. // URL: <http://rus.sectscsco.org/>

9. Капитонова Е.А., Романовский Г.Б. Современный терроризм: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.
10. Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: монография / под ред. А.В. Наумова. М.: Юрлитинформ, 2019. 480 с.
11. Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: дисс. д-ра юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2016.
12. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма. Заключена в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г. // URL: <http://rus.sectesco.org/>
13. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. Заключена в г. Астана 9 июля 2017 г. // URL: <http://rus.sectesco.org/>
14. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
15. Курбанов Р.А. Евразийское право: учебник для магистратуры. М.: Проспект, 2021. 600 с.
16. Мондохонов А.Н. Преступные объединения в уголовном праве России: закон, теория, практика: монография. М.: Проспект, 2021. 288 с.
17. Муратбекова А. Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 4. С. 138–160.
18. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. N114-ФЗ // <https://internet.garant.ru/#/document/12127578/paragraph/119:1>
19. Уткин В.А. Международное право борьбы с преступностью: учебное пособие. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. 188 с.
20. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // URL: <http://rus.sectesco.org/>
21. Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2017. 304 с.

© Куликов Егор Алексеевич (kulikoveg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный университет